ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА

скорбнаго торжества перенесенія и погребенія тѣла **Императора Александра III** и свѣтлаго дня бракосочетанія

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Ѳ. Духовецкій.

МОСКВА.

1894.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА

скорбнаго торжества перенесенія и погребенія тѣла **Императора Александра III** и свѣтлаго дня бракосочетанія

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Ѳ. Духовецкій.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страст. бул.
1894.

Дозволено цензурой. Москва, 5 декабря

I.

Надъ Петербургомъ стояла напроглядная мгла, когда, 31 минувшаго октября, курьерскій „корреспондентскій“ поѣздъ Николаевской дороги подходилъ къ сѣверной столицѣ. Говорю: „корреспондентскій“, потому что въ этомъ поѣздѣ ѣхали почти всѣ представители иностранной печати прибывшіе въ Москву на перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго незабвеннаго Государя Императора Александра III въ Архангельскій соборъ; возвращалось большинство ливадійскихъ корреспондентовъ петербургскихъ газетъ, и ѣхали двое представителей печати спеціально отправлявшихся въ Петербургъ. Однимъ изъ послѣднихъ былъ пишущій эти строки, а другимъ — редакторъ-издатель *Южнаго Края*, А. А. Іозефовичъ, который все время оставался въ Петербургѣ единственнымъ представителемъ русской областной печати. Всего въ поѣздѣ насъ, „людей пера“, было человѣкъ около тридцати; конечно, мы всѣ быстро перезнакомились между собой, очутившись въ одномъ вагонѣ и, во время переѣзда, велись нескончаемыя и самыя „разноязычныя“ бесѣды о переживаемыхъ нами событіяхъ.

Ливадійскіе корреспонденты передавали свои скорбныя впечатлѣнія, а иностранцы, особенно Англичане, не могли еще опомниться отъ той грандіозной картины которую представляла Москва 30 октября, во время траурнаго шествія. Черно-бѣлые покровы, въ которые облеклась столица, сотни тысячъ колѣнопреклоненнаго народа встрѣчающаго прахъ своего многолюбимаго Царя, единеніе въ скорби этого народа со своимъ Молодымъ Монархомъ и Царственною Вдовицей, искреннія слезы на глазахъ у простолюдиновъ и вельможъ,—все это видѣли иностранцы, всѣмъ этимъ они были глубоко потрясены и все уже сообщили по телеграфу во всѣ концы міра.

Мгла стоявшая надъ Петербургомъ насъ поразила. Въ Москвѣ, и во время пути, погода стояла ясная, но за Колпинымъ, вступивъ въ область непосредственнаго вліянія моря, мы поняли что подъѣзжаемъ къ „гнилому“ Петербургу. На столичномъ дебаркадерѣ горѣли всѣ фонари, хотя былъ еще одиннадцатый часъ утра, и тусклый свѣтъ газа, безуспѣшно боровшійся съ туманомъ, служилъ какъ бы дополненіемъ къ траурному убранству вокзала. Тамъ, такъ же какъ и по всему Петербургу, шла спѣшная работа по окончанію этого траурнаго убранства, такъ какъ на другое утро столица готовилась встрѣчать прахъ почившаго въ Ливадіи Монарха и спѣшила облечься въ трауръ, дабы присоединиться къ выраженію всенародной скорби. Печаленъ былъ видъ блестящаго Невскаго Проспекта и другихъ улицъ, на которыхъ всѣ вывѣски скрывались подъ чернымъ флеромъ, всюду развѣвались черно-бѣлые флаги, воздымались траурные обелиски и урны. Даже туманъ гармонировалъ съ общимъ настроеніемъ.

Такъ какъ я прибылъ въ Петербургъ съ цѣлью путемъ печати оповѣщать Москву о событіяхъ которыя должны были произойти въ теченіе ближайшихъ дней, то мнѣ прежде всего предстояло „легитимировать" свое положеніе какъ представителя печати и заручиться тѣми пропусками и билетами, которые необходимы корреспонденту. Припоминая какъ это просто и скоро дѣлается въ Москвѣ, я направился въ канцелярію петербургскаго градоначальника, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, должна была сосредоточиваться выдача корреспондентскихъ билетовъ. Соображенія мои оправдались, но процедура полученія билетовъ внесла нѣкоторую долю юмора въ мое порученіе. Въ самыя скорбныя минуты, когда человѣкъ бываетъ настроенъ самымъ торжественнымъ образомъ, юмористическія стороны жизни, тѣмъ не менѣе, вызываютъ невольную улыбку, а иногда и смѣхъ. Такъ было и со мной при полученіи билетовъ. Несмотря на мое душевное настроеніе, несмотря на нѣкоторую досаду вызываемую лишними проволочками въ моментъ усиленной спѣшки, я не могъ не смѣяться, когда меня въ продолженіе двухъ часовъ гоняли изъ одного этажа четырехъэтажнѣго дома въ другой и, наконецъ, очень любезно выдали пропускъ, предупредивъ при этомъ что онъ „недѣйствителенъ". Когда я невольно превратился въ вопросительный знакъ и выразилъ на своемъ лицѣ полное изумленіе, мнѣ разъяснили что требуется еще пропускъ отъ Министерства Двора, куда я, конечно, тотчасъ же и направилъ свой путь.

Въ канцеляріи этого министерства, помѣщающейся, какъ извѣстно, въ Зимнемъ Дворцѣ, мнѣ довелось познакомиться съ однимъ изъ симпатичнѣйшихъ людей которыхъ я когда-либо встрѣ-

чалъ. Такъ какъ ему пришлось играть немалую роль въ петербургской эпопеѣ всѣхъ представителей печати, то я сдѣлаю маленькое отступленіе, чтобы познакомить съ нимъ читателей. Георгій Александровичъ Сеславинъ, внучатный племянникъ извѣстнаго партизана 1812 года, Сеславина,—еще молодой человѣкъ, Москвичъ, бывшій воспитанникъ Лицея Цесаревича Николая и Московскаго Университета. Ему, какъ чиновнику Министерства Двора, поручены были всѣ сношенія съ корреспондентами, и мы его звали нашимъ „маршаломъ", такъ какъ на всѣхъ торжествахъ онъ нами предводительствовалъ, ставилъ насъ на назначенныя мѣста и, какъ пастырь, стерегъ свое стадо, дабы его кто не обидѣлъ, и дабы оно не разбрелось въ разныя стороны, къ чему не разъ бывали поползновенія.

Встрѣченный г. Сеславинымъ очень привѣтливо и сочувственно, за что̀ приношу ему мою искреннюю благодарность, я, тѣмъ не менѣе, не могъ тотчасъ же получить билетъ, такъ какъ требовалось меня „зарегистрировать", но получилъ приглашеніе прибыть въ канцелярію къ 10 часамъ вечера, когда должны были собраться туда всѣ представители печати.

Эти почти ежедневныя сборища корреспондентовъ представляли немалый интересъ. Происходили они въ обширной залѣ, замѣняющей въ канцеляріи Министерства Двора и пріемную, и залу засѣданій. Громадный длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, занималъ въ длину почти всю залу и былъ въ достаточномъ числѣ снабженъ чернильницами, бумагой и перьями, чѣмъ мы неоднократно пользовались. Громадныя окна выходящія на Неву, изъ которыхъ, впрочемъ, противоположный берегъ, изъ-за петербургской мглы,

пришлось видѣть всего раза два за все время, роскошныя зеркала, украшавшія простѣнки, великолѣпные канделябры и старинные массивные часы на каминахъ по угламъ,—все это надолго останется въ нашей памяти, со всѣмъ этимъ мы успѣли свыкнуться при ежедневномъ посѣщеніи этой залы—нашего сборнаго пункта. Но особенно памятною останется безконечная винтовая лѣстница съ ея гранитными ступенями, которая снизу, изъ швейцарской, ведетъ къ корридору примыкавшему къ пріемной залѣ. Сколько разъ спѣшно и волнуясь приходилось взбѣгать по этой лѣстницѣ на верхъ, съ готовою телеграммой или корреспонденціей въ карманѣ, такъ какъ въ этой же пріемной, мы, русскіе корреспонденты, заручались разрѣшеніями на отправку нашихъ депешъ. Къ счастію, намъ почти не приходилось сходить внизъ неудовлетворенными,—разрѣшенія давались быстро.

Главнымъ и драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ пріемной залы служитъ замѣчательно красивый, громадныхъ размѣровъ, гобеленъ, помѣщающійся на стѣнѣ надъ описаннымъ столомъ. Французская надпись на немъ гласитъ что онъ подаренъ французскимъ королемъ Карломъ X, а изображаетъ это изящное произведеніе французской правительственной мануфактуры сцену смерти воителя и народнаго вождя. Нельзя налюбоваться скорбными выраженіями фигуръ окружающихъ смертный одръ, живостью и красотой неувядаемыхъ красокъ.

Когда, въ назначеный часъ, въ первый вечеръ моего пребыванія въ Петербургѣ, я вошелъ въ описанную залу, тамъ были въ сборѣ почти всѣ наличные иностранные корреспонденты, представлявшіе пеструю смѣсь самыхъ разнородныхъ

типовъ. Тутъ было больше всего Англичанъ, такъ какъ главнѣйшія лондонскія газеты—*Times*, *Standard*, *Daily News*, *Daily Chronicle*, *Daily Telegraf*, *Pall-Mall* и иллюстрированныя: *Graphic* и *London Illustrated News* прислали своихъ представителей. Изъ французскихъ газетъ представлены были *Nord*, *Temps*, *Echo de Paris*, *Petit Marseillais* и *Illustration*, изъ нѣмецкихъ—*Berliner Tageblatt*, *Neue Freie Presse*, *Gartenlaube* и нѣкоторыя другія; кромѣ того, налицо находились прибывшіе директора агентствъ Гаваса и Вольфа; Америку представлялъ корреспондентъ синдиката сѣверо-американскихъ газетъ — *North-Amerikan United Press;* а такъ какъ нѣкоторыя изданія, особенно иллюстрированныя, прислали по два и по три представителя, то однихъ иностранцевъ было на лицо до тридцати человѣвъ. Четвертый десятокъ составляли представители петербургской печати и мы, съ редакторомъ *Южнаго Края*. Со многими изъ наличныхъ корреспондентовъ мы познакомились уже во время путешествія, съ другими знакомство завязалось очень быстро теперь, и изъ бесѣдъ пришлось убѣдиться что всѣ одинаково были заинтересованы насущнымъ вопросомъ о томъ откуда и какъ увидать предстоявшую на утро встрѣчу праха почившаго Государя.

Въ это время Г. А. Сеславинъ, засѣдавшій за вышеупомянутымъ длиннымъ столомъ, вручилъ мнѣ и другимъ корреспондентамъ наши пропускные билеты. Однако, по справкамъ и провѣркѣ, выяснилось что и эти билеты тоже „недѣйствительны“, и что воспользоваться ими можно только для того чтобы стоять „въ публикѣ на указанныхъ полиціей мѣстахъ“. Конечно, этого намъ было мало, но горю помогъ все тотъ же нашъ корреспондентскій „маршалъ“, заявивъ что онъ

лично повезетъ насъ на вокзалъ для встрѣчи траурнаго поѣзда и оттуда въ крѣпость, въ Петропавловскій соборъ. Этимъ разрѣшался вопросъ, и этимъ же способомъ должны были и въ будущемъ разрѣшаться всѣ вопросы, такъ что къ нашимъ билетамъ намъ прибѣгать не приходилось, и въ единственный разъ когда я хотѣлъ было самостоятельно ими воспользоваться, мнѣ— увы!—пришлось дѣйствительно убѣдиться въ ихъ „недѣйствительности".

Заручившись любезнымъ обѣщаніемъ Г. А. Сеславина, корреспонденты разошлись до утра. Въ 8 часовъ назначено было собраться въ той же пріемной, въ канцеляріи Министерства Двора, для слѣдованія, всѣмъ вмѣстѣ, на Николаевскій вокзалъ.

II.

Въ восемь съ половиной часовъ утра, въ понедѣльникъ, 1 ноября, отъ министерскаго подъѣзда Зимняго Дворца отъѣхала длинная вереница каретъ съ представителями печати. Кареты или коляски были обязательными экипажами, такъ какъ одиночекъ къ вокзалу и затѣмъ къ Петропавловскому собору не пропускали. Во главѣ корреспондентскаго поѣзда тоже въ каретѣ, ѣхалъ нашъ „маршалъ".

На Невскомъ, обрамленномъ уже шпалерами войскъ, собирались лица участвовавшія въ процессіи. Между думой и Полицейскимъ мостомъ формировались первые эшелоны. По направленію къ этому пункту двигались стройными рядами кавалерія; далѣе по Невскому, группами, стояли представители сословій, учрежденій и обществъ; конюхи держали подъ уздцы лошадей въ траурныхъ попонахъ; въ коляскахъ подъѣзжали чиновныя особы со знаменами и гербами въ рукахъ. Церемоніймейстеры верхомъ съ жезлами устанавливали отдѣльныя звенья шествія, словомъ шла подготовительная работа по устройству траурной процессіи. Чѣмъ ближе подвигались мы къ вокзалу, тѣмъ гуще становились ряды каретъ, тѣмъ болѣе замедлялось движеніе. На вокзалъ съѣзжались сановники и высокопостав-

ленныя лица для встрѣчи праха Почившаго. Наконецъ мы принуждены были двигаться шагъ за шагомъ, останавливаясь по временамъ для пропуска войскъ, и только послѣ девяти часовъ достигли вокзала, гдѣ на подъѣздѣ образовалась уже порядочная группа корреспондентовъ въ пальто и цилиндрахъ, рѣзко выдѣлявшихся среди военныхъ шинелей, касокъ и шапокъ и чиновничьихъ треуголокъ. Благодаря нашему маршалу, насъ безпрекословно пропустили на платформу, у которой стоялъ только-что прибывшій изъ Москвы свитскій поѣздъ. Лица свиты прибывшія изъ Москвы смѣшались съ наполнявшею уже платформу толпой сановниковъ и военныхъ генераловъ; вагоны спѣшно освобождали отъ багажа, такъ какъ свитскій поѣздъ долженъ былъ отойти на запасный путь до прибытія траурнаго поѣзда и на платформѣ шла обычная въ это время суета.

Наконецъ поѣздъ отошелъ, суета прекратилась и стало возможнымъ проникнуть на дальній, открытый въ обычное время, конецъ платформы, гдѣ былъ устроенъ шатеръ изъ чернаго сукна уставленный тропическими растеніями и приготовленный для пріема тѣла. Изъ шатра вела покрытая чернымъ сукномъ лѣстница на внутренній дворъ вокзала; по этой лѣстницѣ должны были нести гробъ. Траурное убранство дополнялось черно-бѣлыми флагами и задрапированными флеромъ гербами. Въ шатрѣ собралось высшее духовенство столицы, съ митрополитомъ Палладіемъ во главѣ. Кромѣ его высокопреосвященства присутствовали еще іерархи Антоній Выборгскій, Виссаріонъ Костромской, викаріи Петербургской митрополичьей каѳедры и члены Святѣйшаго Сѵнода.

Въ это время на платформѣ толпа лицъ при-

бывшихъ для встрѣчи все увеличивалась и увеличивалась; обширный дебаркадеръ Николаевскаго вокзала становился тѣсенъ. Прибывали члены Государственнаго Совѣта, въ толпѣ мелькали фигуры министровъ, прошелъ издали замѣтный по своему высокому росту С. Ю. Витте и остановился чтобы поговорить съ Н. В. Муравьевымъ, къ нимъ вскорѣ присоединился И. Н. Дурново, внушительная фигура котораго, съ сѣдыми бакенбардами, на голову выдвигалась изъ толпы, появился А. С. Ермоловъ. Затѣмъ не по лѣтамъ степенно и сановито прослѣдовалъ по платформѣ юный наслѣдникъ Бухарскаго эмира въ своемъ роскошномъ восточномъ костюмѣ и въ чалмѣ. За нимъ шелъ его пѣстунъ, сѣдобородый Бухарецъ и приставленный къ принцу подполковникъ русской службы. Какъ извѣстно, наслѣдникъ эмира воспитывается въ Петербургѣ, въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ обыденное время ходитъ въ кадетской формѣ, но для торжественныхъ случаевъ облекается въ свой національный костюмъ. Принцъ уже порядочно говоритъ по-русски и дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ наукахъ.

Прибыли и Великіе Князья находящіеся въ Петербургѣ, герцоги Ольденбургскіе и Мекленбургъ-Стрелицкіе. Въ этотъ день ожидалось прибытіе и короля Эллиновъ, который значился даже въ церемоніалѣ, но его величество прибылъ позднѣе.

Вскорѣ на платформѣ раздался говоръ что поѣздъ приближается, и насъ, представителей печати перевели на другую платформу выходящую во дворъ и противоположную траурной лѣстницѣ, по которой должны были сносить гробъ. Это былъ отличный наблюдательный пунктъ и откуда мы прекрасно видѣли все.

На дворѣ у подножія лѣстницы стояла уже печальная золоченая колесница, запряженная восьмерикомъ лошадей въ черныхъ попонахъ. На колесницѣ развивались снопы страусовыхъ перьевъ и она была украшена Императорскими коронами. Верхъ колесницы съ колоннами и золотыми кистями былъ нѣсколько сдвинутъ назадъ, дабы оставить свободное мѣсто для остановки гроба; на козлахъ, въ траурномъ кафтанѣ и черной шляпѣ, сидѣлъ Царскій кучеръ съ медалями на груди, возившій почившаго Государя при жизни.

По обѣимъ сторонамъ колесницы и позади ея выстроились шестьдесятъ пажей въ каскахъ съ бѣлыми султанами, съ траурными перевязями черезъ плечо и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Спиной къ стѣнѣ и лицомъ къ колесницѣ, какъ разъ противъ траурнаго шатра, стояли почетные караулы со знаменами отъ гвардейскаго флотскаго экипажа и отъ дворцовыхъ гренадеръ. Общее вниманіе возбуждали два маленькіе мальчика-флейтиста въ гренадерской формѣ и мѣховыхъ шапкахъ, стоявшіе рядомъ съ рослымъ сѣдоусымъ гренадеромъ-барабанщикомъ.

Раздался свистокъ, возвѣстившій о приближеніи поѣзда. Все замерло:

Ровно въ 10 часовъ 5 минутъ Императорскій поѣздъ подошелъ къ платформѣ и траурный вагонъ остановился какъ разъ противъ шатра. Барабаны забили походъ и двѣ флейты маленькихъ музыкантовъ-гренадеровъ жалобно вторили, рѣзко выдѣляясь изъ барабаннаго грохота. Государь Императоръ, Вдовствующая Императрица, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, тогда еще Высоконареченная Невѣста, прочіе Члены Царствующей Семьи и иностранныя Августѣйшія Особы вышли изъ вагоновъ, поздоровались съ Великими Князьями и Августѣйшими Особа-

ми встрѣчавшими поѣздъ и приблизились къ траурному вагону, гдѣ митрополитъ Палладій съ высшимъ духовенствомъ начиналъ уже литію. Раздалось торжественное пѣніе клира, войска взяли „на молитву“ и сняли шапки, барабанный бой прекратился и всѣ военные и гражданскіе сановники на платформѣ, взяли подъ козырекъ.

До насъ едва долитали звуки панихиднаго пѣнія и объ окончаніи литіи мы узнали лишь потому что войска снова надѣли шапки и барабаны опять начали бить, а флейты играть. Высочайшія и Августѣйшія Особы, генералъ-адъютанты и генералъ-майоры подняли гробъ и понесли его черезъ шатеръ по лѣстницѣ внизъ; Государь Императоръ поддерживалъ изголовье. Хоръ военныхъ музыкантовъ заигралъ *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*, и торжественные звуки духовнаго гимна привѣтствовали прахъ Монарха возвратившагося въ свою столицу и направлявшагося къ усыпальницѣ Своихъ предковъ.

На послѣдней ступени дворцовые гренадеры приняли гробъ и поставили его на колесницу. Въ это время, впереди колесницы выстроились лица несшія регаліи и ордена, и по установкѣ гроба, шествіе медленно двинулось со двора вокзала на Знаменскую площадь; у штанговъ колесницы стояли генералъ-адъютанты, а кисти несли генералъ-майоры, За колесницей шелъ Государь Императоръ, за Нимъ слѣдовали принцъ Вельсскій и всѣ Августѣйшія Особы, а Вдовствующая Императрица, Высоконареченная Невѣста, иностранныя Августѣйшія Родственницы и Великія Княгини слѣдовали въ каретахъ, у дверецъ которыхъ шли камеръ-пажи и ѣхали шталмейстары верхомъ.

На вокзальный дворъ народъ не былъ допущенъ, почему встрѣча лишена была того торжественнаго народнаго характера какой она имѣла

въ Москвѣ, гдѣ толпа въ сотню тысячъ человѣкъ на Каланчевской площади встрѣчала прахъ Своего обожаемаго Царя, но на Знаменской площади и на Невскомъ стояли тысячныя толпы народа, отдѣленныя отъ процессіи стройными рядами войска. Шествіе началось одновременно со всѣхъ пунктовъ; въ 10 часовъ съ половиной голова процессіи тронулась отъ Полицейскаго моста, а колесница выѣзжала со двора вокзала. Однако, когда за колесницей потянулись кареты, а за ними придворные чины и войска, замыкавшія шествіе, то послѣдній эшелонъ войскъ находился еще на Знаменской площади, а голова вступала уже на Адмиралтейскую площадь и завертывала къ Сенату, такъ что длинная процессія заняла весь Невскій проспектъ. Стройно двигались отдѣленія за отдѣленіями; представители сословій, земствъ, городовъ, обществъ, ученыхъ и государственныхъ учрежденій, гербы, знамена, маршалы, церемоніймейстеры, латники, ордена, регаліи, духовенство— все это слѣдовало другъ за другомъ въ должномъ порядкѣ, и толпы замирали, а головы обнажались по мѣрѣ приближенія печальной колесницы. Литіи были отслужены у Аничкова Дворца, у Казанскаго и Исаакіевскаго соборовъ. Въ Казанскій соборъ входилъ Государь съ Великими Князьями и прикладывался къ Чудотворной Иконѣ.

Когда послѣдняя придворная карета выѣхала со двора, мы, корреспонденты, бросились разыскивать свои экипажи чтобъ окольнымъ путемъ, черезъ Александровскій мостъ пробраться въ крѣпость. Нашъ маршалъ принималъ участіе въ процессіи и долженъ былъ присоединиться къ намъ у Іоанновскихъ воротъ, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ. Къ сожалѣнію, корреспондентскія кареты по дорогѣ въ крѣпость разъѣхались

въ разныя стороны и на сборный пунктъ экипажъ, въ которомъ я ѣхалъ съ редакторомъ *Южнаго Края*, прибылъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ. Нъ видя никого изъ товарищей, мы приказали ѣхать прямо къ собору и, благодаря пропуску на шляпѣ у кучера, насъ безпрепятственно пропустили. Войдя въ соборъ, я очутился тамъ единственнымъ „фрачникомъ", такъ какъ мой спутникъ, состоящій почетнымъ попечителемъ какой-то гимназіи, былъ облеченъ въ попечительскій мундиръ. Чувствуя что мой фракъ нѣсколько рѣжетъ глаза среди блестящаго сборища всевозможныхъ мундировъ, наполнявшаго соборъ, я имѣлъ неосторожность выйти изъ церкви и пѣшкомъ направиться къ назначенному сборному пункту. Тутъ-то мнѣ и пришлось убѣдиться въ „недѣйствительности" своихъ билетовъ. Изъ крѣпости меня пропустили благополучно, но когда, встрѣтивъ нѣсколькихъ иностранныхъ корреспондентовъ и присоединившись къ нимъ, я попытался было вмѣстѣ съ товарищами проникнуть обратно въ крѣпость—не тутъ-то было,—полицейскіе отказались насъ пропустить. Напрасно мы предъявляли наши билеты, напрасно на всевозможныхъ языкахъ, вели переговоры—отказъ былъ намъ единственнымъ отвѣтомъ.

Положеніе наше становилось трагическимъ, но по счастью подошелъ какой-то генералъ, разъяснилъ полиціи что мы—иностранные корреспонденты—имѣемъ доступъ въ крѣпость и, все время разговаривая съ нами по-французски, провелъ насъ внутрь собора. Вслѣдъ за моими товарищами, я поблагодарилъ любезнаго генерала тоже по-французски и каюсь теперь въ этомъ, принося ему свое извиненіе за то что я его вовлекъ въ заблужденіе, но такъ какъ разрѣшеніе на входъ въ соборъ я имѣлъ, то въ сущности, входя туда вмѣ-

стѣ съ остальными, я только возстановилъ свое право, утраченное было мною по неосторожности.

Соборъ уже былъ переполненъ, а вскорѣ начали входить лица участвовавшія въ процессіи. Часть изъ нихъ оставалась въ соборѣ, часть же, сложивъ регаліи и ордена, выходила обратно. Духовенство уже собралось и вслѣдъ за митрополитомъ со св. крестомъ и св. водой пошло ко входнымъ дверямъ на встрѣчу Государю. У паперти дворцовые гренадеры сняли гробъ съ колесницы, а Государь Императоръ съ прочими Высочайшими и Августѣйшими Особами внесли его въ соборъ и поставили на катафалкѣ обитомъ краснымъ сукномъ, подъ глазетную сѣнь, увѣнчанную шапкой Мономаха. Съ гроба сняли крышу и отнесли ее на пріуготованную глазетовую подставку, которая въ послѣдствіи временно заняла надъ могилой мѣсто мраморнаго саркофага. На ступеняхъ катафалка стало дежурство, Царская Семья заняла мѣсто справа отъ катафалка и началась панихида, при чудномъ пѣніи хора придворной капеллы. Послѣ панихиды, во время которой многіе плакали, Государь Императоръ, Вдовствующая Императрица, всѣ Высочайшія и Августѣйшія Особы приложились ко праху Почившаго и отбыли изъ собора. Затѣмъ поочередно прикладывались всѣ присутствовавшіе и, облобызавъ руку Усопшаго, земно кланялись праху Того, Кто былъ Великимъ Вождемъ Своего народа и Великимъ Миротворцемъ для остальныхъ народовъ. Спокойныя, сильно исхудавшія Царственныя черты запечатлѣлись на вѣки въ памяти всѣхъ тѣхъ кто удостоился ихъ лицезрѣть. Мирно почилъ Онъ отъ дѣлъ Своихъ и тихо и величаво лежалъ въ гробу, въ стѣнахъ двухвѣковаго храма, служащаго усыпальницей Его предкамъ.

III.

Разъѣздъ по окончаніи первой панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, какъ и вообще всѣ разъѣзды изъ собора, продолжался добрый часъ и страшно утомилъ всѣхъ. Цѣлый часъ стоять на вѣтру среди петербургскаго тумана составляло довольно серіозное испытаніе, особенно для не-Петербуржцевъ, но экипажей было такое множество, и они до такой степени оказались перемѣшанными на маленькихъ дворахъ крѣпости что добиться своей кареты можно было только послѣ часоваго подвига терпѣливаго ожиданія. И то безъ помощи добровольцевъ-солдатиковъ, бѣгавшихъ по крѣпости и, въ чаяніи двугривеннаго, выкрикивавшихъ благимъ матомъ имя кучера, этотъ подвигъ такъ и остался бы не вознагражденнымъ. Но всему на свѣтѣ наступаетъ конецъ, наступилъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ,—карета нашлась и, усѣвшись въ нее съ моимъ спутникомъ, мы помчались домой „составлять телеграммы". Объ отдыхѣ, конечно, думать было нечего, предстояло написать подробное описаніе только-что пережитаго событія, заручиться разрѣшеніемъ на отсылку телеграммы, затѣмъ отвезти описаніе на телеграфъ и уже по полученіи квитанціи отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается; однако, въ восьмомъ часу вечера телеграмма была уже написана, разрѣшена и сдана на телеграфъ. Описаніе вышло длинное, но, конечно, значительно уступало описаніямъ представителей иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ представитель *Daily Telegraf* (въ газетахъ ошибочно значилось *Daily News*) послалъ своей редакціи телеграмму стоившую 6.000 рублей.

Вслѣдъ за прибытіемъ тѣла почившаго Императора, въ Петербургѣ потянулись скорбные дни, распредѣленные по часамъ панихидъ въ Высочайшемъ присутствіи и по часамъ впуска петербургскихъ обывателей въ Петропавловскій соборъ на поклоненіе тѣлу. Панихиды служились въ 2 часа дня и въ 8 час. вечера. Дневные часы для впуска въ соборъ были распредѣлены между лицами, имѣвшими доступъ по билетамъ различныхъ категорій, а ночные часы были предоставлены въ распоряженіе безбилетныхъ посѣтителей, то-есть простаго народа. За часъ до панихиды доступъ въ соборъ прекращался, а время съ 9 до 10 часовъ вечера предоставлено было депутаціямъ и отдѣльнымъ лицамъ возлагавшимъ вѣнки. И надо было видѣть какая масса народа толпилась у крѣпостныхъ воротъ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Днемъ у воротъ стояла вереница экипажей, и многіе, даже изъ прибывшихъ не послѣдними, должны были возвращаться вспять чтобы попытать счастья на другой день, а ночью змѣевидною линіей, далеко извивавшеюся и захватывавшею близь лежащія улицы и проѣзды Александровскаго парка, тянулась вереница пѣшеходовъ, въ благоговѣйномъ молчаніи дожидавшихся своей очереди. Съ горькими слезами расходились утромъ не попавшіе въ соборъ, съ тѣмъ

чтобы раннимъ вечеромъ очутиться опять на своемъ посту, у крѣпостныхъ воротъ. Уже съ сумерекъ собирались эти толпы, а къ десяти часамъ вечера, ко времени начала впуска, вереница поклонниковъ была такъ длинна что вновь прибывавшимъ не оставалось уже почти никакой надежды проникнуть въ соборъ. Тѣмъ не менѣе, стремленіе къ усыпальницѣ Императоровъ Всероссійскихъ было столь велико, и желаніе поклониться праху Незабвеннаго Государя столь сильно что мнѣ лично извѣстно нѣсколько случаевъ когда иные неудачники добивались доступа въ соборъ пять дней подъ рядъ.

На вокзалахъ тоже замѣчалось большое оживленіе: въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній прибывали депутаціи, а по Варшавской дорогѣ, кромѣ депутацій, прибывали еще заграничныя чрезвычайныя посольства и иностранныя августѣйшія особы. Такъ, 2 ноября прибыли: король Эллиновъ, представитель ландграфа Гессенскаго гофъ-маршалъ фонъ-Штраль и бельгійская военная депутація; 3 ноября прибыли принцесса Ирэна Прусская, принцъ Гессенскій, великій герцогъ Саксенъ - Кобургъ - Готскій и герцогъ Іоркскій (сынъ принца Вельсскаго); 4 ноября прибыли король Христіанъ и принцъ Вальдемаръ Датскіе, наслѣдные принцы Шведскій и Люксембургскій и французское чрезвычайное посольство съ генераломъ Буадефромъ во главѣ; 5 ноября прибыли принцъ Генрихъ Прусскій, эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ Австрійскій, князь Черногорскій, принцъ Свасти Сіамскій, испанское чрезвычайное посольство съ герцогомъ Альба во главѣ, прусская и австрійская военныя депутаціи; 6 ноября прибыли король Александръ Сербскій, наслѣдникъ Румынскій и принцъ Неаполитанскій. Словомъ, къ

7 ноября, дню похоронъ, всѣ иностранные гости, посольства и депутаціи находились уже налицо.

За это время въ Аничковомъ Дворцѣ происходили Высочайшіе пріемы членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ, сенаторовъ и, кромѣ того, многихъ изъ прибывающихъ иностранныхъ августѣйшихъ особъ Государь Императоръ встрѣчалъ лично.

Петербургъ пребывалъ въ непрестанномъ движеніи, улицы были необычайно оживлены, но, кромѣ внѣшняго оживленія, замѣтно было и внутреннее душевное возбужденіе, вызванное какъ торжественнымъ настроеніемъ этихъ дней скорби, такъ и ожиданіями возможныхъ перемѣнъ и перемѣщеній. Послѣднее было особенно замѣтно въ бюрократическихъ, чиновничьихъ кружкахъ, которыми такъ богата сѣверная столица.

Петербургъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ русскихъ городовъ именно этимъ обиліемъ чиновничества. Тогда какъ въ остальной Россіи чиновничество играетъ второстепенную роль, стушевывается предъ кореннымъ населеніемъ и сливаетъ свои интересы съ интересами обывательскими, въ Петербургѣ, этомъ центрѣ административной машины, чиновничьи интересы берутъ верхъ надо всѣми остальными, и вопросъ о перемѣщеніи какого-нибудь директора департамента заставляетъ о себѣ говорить значительно больше чѣмъ какой бы то ни было иной вопросъ одинаково интересующій какъ Европу, такъ и всю остальную Россію. Смѣна царствованія, которая во всемъ мірѣ возбудила самыя противоположныя надежды и догадки, въ петербургскомъ чиновничьемъ міркѣ вызвала предположенія и толки почти исключительно лично-административнаго свойства. То и дѣло рѣшались глубокомысленные вопросы

о томъ „усидитъ ли Иванъ Петровичъ“ и „не слетитъ ли Петръ Ивановичъ“. Утромъ пущенный „совершенно достовѣрный“ слухъ о томъ что „Иванъ Петровичъ уже въ отставкѣ“ замѣнялся вечеромъ не менѣе „достовѣрнымъ“ слухомъ объ отставкѣ Петра Ивановича. Такимъ образомъ этотъ городъ по преимуществу административныхъ сплетень смѣнялъ и вновь назначалъ всѣхъ административныхъ Ивановъ Петровичей и Петровъ Ивановичей по очереди. Сплетни самаго невѣроятнаго характера и свойства циркулировали по городу, и оставалось только удивляться той быстротѣ съ какою слухи росли, множились и отцвѣтали не успѣвъ разцвѣсть. Отчасти содѣйствовали этому иностранные корреспонденты съ наивностью довѣрявшіе разнымъ „достовѣрнымъ“ источникамъ и сообщавшіе по телеграфу всевозможныя басни въ свои изданія. Когда эти изданія успѣвали доходить до Петербурга, „достовѣрный“ слухъ давно уже былъ отнесенъ къ области вымысла, но тутъ онъ возрождался съ новою силой, какъ „сообщеніе“ такой-то или такой-то иностранной газеты. Лица, прежде опровергавшія этотъ слухъ и настойчиво замѣнявшія его другою сплетней собственнаго изобрѣтенія, теперь, забывая о минувшемъ, съ такою же настойчивостью дѣлились со знакомыми и незнакомыми „заграничнымъ газетнымъ сообщеніемъ“. „Вотъ! вѣдь я же вамъ говорилъ!“ выкликалъ какой-нибудь петербургскій Добчинскій,—и „сообщеніе“ въ тотъ же день облетало весь городъ, принимая къ вечеру самые фантастическіе размѣры. Между тѣмъ, попавшіе въ просакъ корреспонденты, давно уже пославшіе своимъ редакціямъ надлежащія опроверженія, тутъ снова попадались на удочку сплетниковъ, и съ ихъ словъ

вновь подтверждали первоначальныя басни. Это былъ какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ Петербуржецъ вертѣлся какъ бѣлка въ колесѣ.

При этомъ упускалось изъ виду только одно— что у края еще открытой могилы не время думать о перемѣщеніяхъ и смѣнахъ. Но Петербургъ искренно скорбѣлъ, искренно спѣшилъ на поклоненіе праху своего многолюбимаго Царя, а этой простой истины понять не могъ,—такова ужъ сила привычки къ административному чесанію языка.

IV.

Общій интересъ въ Петербургѣ возбудилъ пріѣздъ французскаго чрезвычайнаго посольства. Маститый генералъ Буадефръ, стоявшій во главѣ миссіи, возбуждалъ не мало толковъ, какъ намѣченный, на случай какихъ-либо усложненій, главнокомандующій французскихъ войскъ; его блестящая свита изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія обращала на себя большое вниманіе, но симпатіи попрежнему сосредоточивались на знакомомъ Россіи адмиралѣ Жерве. Съ 1891 года, когда онъ со своею эскадрой посѣтилъ Кронштадтъ, побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, адмиралъ былъ повышенъ чиномъ, но почти не измѣнился по наружности. Три года прошли надъ нимъ безслѣдно: это все тотъ же привѣтливый, симпатичный, до щепетильности вѣжливый Французъ, которому адмиральскій мундиръ придаетъ несвойственную ему внушительность. Адмиралъ Жерве все еще чрезвычайно моложавъ, несмотря на свои сѣдѣющіе волосы, и нѣсколько печальное выраженіе глазъ на исхудавшемъ лицѣ сразу располагаетъ къ нему сердца.

Долго бесѣдовать съ нимъ мнѣ не удалось, адмиралъ былъ страшно занятъ, одни визиты (болѣе двухсотъ) отнимали у него бо́льшую часть

его времени, но въ краткія минуты нашего свиданія во французскомъ посольствѣ, гдѣ онъ останавливался, мнѣ удалось напомнить ему о нашемъ знакомствѣ въ Москвѣ, въ 1891 году, и получить отъ него завѣреніе что, несмотря на скорбное время въ которое посольство прибыло въ Россію, оно встрѣтило самый сердечный пріемъ и самое дружеское расположеніе. Впрочемъ, даже и безъ утвержденія почтеннаго адмирала, отношеніе столичнаго населенія къ Французскому посольству сразу бросилось въ глаза. На улицахъ, при встрѣчѣ съ адмираломъ Жерве и другими членами Французскаго посольства, прохожіе снимали шляпы, а при проводахъ, на дебаркадерѣ, устроена была сочувственная овація, въ которой, между прочимъ, принимали участіе и студенты Петербургскаго университета.

Французы привезли съ собой два вагона вѣнковъ на гробъ почившаго Государя; всего этихъ вѣнковъ было восемьдесятъ два, и среди нихъ находились приношенія большинства административныхъ учрежденій и многихъ городовъ Франціи. На другой день по пріѣздѣ Французскаго посольства, то-есть 5 ноября, утромъ, съ 9 часовъ, эти вѣнки были выставлены, для обозрѣнія публикой, въ залахъ Французскаго посольства. У посѣтителей разбѣгались глаза—столько истинно изящныхъ, высокохудожественныхъ произведеній французскихъ ювелировъ сосредоточено было въ этихъ залахъ. Первое мѣсто занималъ, конечно, вѣнокъ президента Французской республики, укрѣпленный на большомъ черномъ бархатномъ щитѣ съ Русскими и Французскими знаменами по бокамъ. Знамена окутаны флеромъ. Подобный же по величинѣ щитъ съ золотою оливковою вѣтвью прислало Французское министерство иностран-

ныхъ дѣлъ. Слѣдующее мѣсто занималъ вѣнокъ отъ парижской печати, неоднократно описанный во всѣхъ газетахъ. Въ этомъ вѣнкѣ очень художественно исполнена покрытая вуалемъ женская фигура, изображающая печать. Вѣнки отъ биржевыхъ маклеровъ, отъ города Парижа, отъ города Ліона—все это произведенія искусства, тщательно и красиво исполненныя. Возлагать эти вѣнки (за исключеніемъ вѣнка отъ печати) должны были члены французскаго посольства въ тотъ же день, то-есть 5 ноября, передъ панихидой, въ Высочайшемъ присутствіи, а вѣнокъ отъ печати возлагали вечеромъ 5 ноября получившіе спеціальное порученіе редакторы русскихъ газетъ, гг. Суворинъ (*Новое Время*), Комаровъ (*Свѣтъ*), Нотовичъ (*Новости*) и Гезсліусъ (*S.-Petersburger Herold*). При возложеніи присутствовали наличные корреспонденты французскихъ газетъ.

Въ этотъ день всѣ представители печати получили разрѣшеніе присутствовать на дневной панихидѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, въ Высочайшемъ присутствіи. Съ 10 часовъ утра мы собрались въ канцеляріи Министерства Двора и уже въ 12 часовъ были въ соборѣ. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ всякихъ приключеній, такъ какъ нами предводительствовалъ нашъ маршалъ. Были налицо всѣ прибывшіе депутаціи, а у ступеней катафалка, со стороны отведенной для Царской Фамиліи, застыли въ неподвижныхъ позахъ офицеры депутацій Французской и Датской, выразившіе желаніе дежурить у гроба. Одинъ за другимъ начали вносить французскіе вѣнки, и масса ихъ вскорѣ заполонила весь правый передній уголъ собора. Щитъ съ вѣнкомъ отъ президента республики съ трудомъ внесли четверо служителей и поставили у правой передней ко-

лонны собора, рядомъ съ катафалкомъ и лицомъ къ мѣсту занимаемому Царскою Семьей. Рядомъ съ нимъ, обширнымъ полукругомъ, расположены были остальные вѣнки, но все-таки значительная часть ихъ не уставилась; ими завалили саркофаги надъ могилами Петра Великаго, Екатерины Великой и заставили все свободное мѣсто за рѣшетками этихъ могилъ. Въ то время, на гробѣ лежалъ уже прекрасный вѣнокъ изъ дорогихъ живыхъ орхидей, присланный императоромъ Францомъ-Іосифомъ и возложенный эрцгерцогомъ Карломъ-Лудвигомъ.

Въ соборѣ всѣ стѣны и колонны были увѣшаны вѣнками возложенными въ Петербургѣ и привезенными изъ Москвы. Они служили дополненіемъ къ траурному убранству и матовое серебро вѣнковъ рѣзко выдѣлялось на черныхъ драпировкахъ.

Къ началу панихиды прибыли: Государь Императоръ и прочія Высочайшія и Августѣйшія Особы. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна шла объ руку съ родителемъ Своимъ, Королемъ Датскимъ. Пораженное печалью лицо Августѣйшаго Дѣда нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, величественная фигура Датскаго Монарха, привѣтливый взглядъ и сравнительная моложавость, поразительная въ его годы, производили большое впечатлѣніе. Лицо Государыни Императрицы было закрыто длиннымъ траурнымъ вуалемъ. Государь Императоръ шествовалъ позади Своей Августѣйшей Родительницы; Его Величество былъ въ полковничьемъ мундирѣ Преображенскаго полка. За Государемъ шли Король Эллиновъ и принцъ Вельсскій. Внѣшній обликъ повелителя Эллиновъ хорошо знакомъ всему Русскому народу, который любитъ его и чтитъ еще со дня его бракосочетанія съ Великою

Княжной Ольгой Константиновной, нынѣ Королевой Эллиновъ, а съ высокою фигурой будущаго повелителя Великобританіи, принца Вельскаго, и Крымъ, и Москва, и Петербургъ хорошо ознакомились въ эти скорбные дни, когда онъ съ Августѣйшею супругой своей сопутствовалъ Государю Императору и Царственной Семьѣ въ Ихъ траурномъ шествіи по Россіи, вслѣдъ за прахомъ почившаго на дальнемъ югѣ Монарха.

Когда члены Царской Семьи заняли свои мѣста, началась панихида; къ Государю Императору приблизился митрополитъ Палладій и роздалъ зажженныя свѣчи Его Величеству и всѣмъ Августѣйшимъ Особамъ. Получая свѣчу, всѣ цѣловали руку у его высокопреосвященства, а онъ отвѣчалъ лобзаніемъ въ плечо. Въ этомъ отношеніи иностранныя Августѣйшія особы тоже слѣдовали обычаямъ Русскаго Двора: король Датскій однимъ изъ первыхъ облобызалъ руку его высокопреосвященства и получилъ отъ него лобзаніе въ плечо.

Стройное, необычайно мелодичное, панихидное пѣніе хора придворныхъ пѣвчихъ производило чарующее впечатлѣніе. Не говоря уже о православныхъ, изъ которыхъ очень немногіе могли удержаться отъ слезъ, иностранцы—члены военныхъ депутацій, корреспонденты заграничныхъ газетъ, приходили въ искреннее умиленіе и не могли найти достаточно сильныхъ словъ чтобы выразить восторгъ вызываемый въ нихъ нашею церковною службой. Надо было любоваться тѣмъ благоговѣніемъ съ которымъ иностранцы стояли въ церкви; при пѣніи *Со святыми упокой*, когда всѣ опускались на колѣни, у нихъ тоже слезы навертывались на глазахъ, и соборъ представлялъ поистинѣ умилительное зрѣлище.

V.

Въ субботу, 5 ноября, за панихидой, мы впервые узнали навѣрное что похороны назначены окончательно на 7 ноября, въ понедѣльникъ. Въ воскресенье объ этомъ узналъ весь Петербургъ, такъ какъ опубликованъ былъ церемоніалъ, и герольды съ 11 часовъ утра начали оповѣщать столичное населеніе. За герольдами по пятамъ слѣдовала большая толпа; на перекресткахъ, на пути ихъ проѣзда, улицы были запружены народомъ, который и прислушивался къ чтенію оповѣщенія.

Въ воскресенье же, въ англиканской церкви состоялось заупокойное богослуженіе въ память въ Бозѣ почившаго Монарха. На богослуженіи присутствовали принцъ и принцесса Вельсскіе, великій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, герцогъ Йоркскій, члены англійской колоніи въ Петербургѣ и наличные представители англійскихъ газетъ. За богослуженіемъ, хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствовавшими исполнялся одинъ изъ самыхъ сердечныхъ гимновъ англиканской церкви, посвященный „тѣмъ кого уже нѣтъ между живущими".

Наканунѣ, въ субботу, въ 4 часа дня, состоялось заупокойное богослуженіе во французской католической церкви, на которомъ, послѣ панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ и слѣдовав-

шаго затѣмъ представленія Государю Императору въ Аничковомъ Дворцѣ, присутствовали члены французскихъ посольствъ, постояннаго и чрезвычайнаго, съ послами графомъ Монтебелло и генераломъ де-Буадефромъ во главѣ. Настоятель церкви произнесъ прекрасное слово о христіанскихъ заслугахъ почившаго Монарха-Миротворца.

Въ тотъ же день, то-есть въ субботу, прибылъ въ Петербургъ нѣкто г. Дешанъ, членъ французскаго комитета „du Souvenir“, то-есть комитета по поднесенію подарка нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Какъ извѣстно, этотъ комитетъ образовался тогда, когда стало извѣстнымъ что Государь Императоръ, тогда еще Наслѣдникъ Цесаревичъ, помолвленъ. Франція рѣшила по случаю бракосочетанія поднести подарокъ и, дѣйствительно, на пожертвованія собранныя путемъ добровольной подписки, заказанъ былъ драгоцѣнный севрскій сервизъ. Теперь же г. Дешанъ прибылъ въ Петербургъ, сопровождая букеты присланные Французами для раздачи Русскимъ на память о погребеніи въ Бозѣ почившаго Императора.

Это была очень симпатичная и удачно исполненная идея. За одинъ франкъ, желающій въ Парижѣ могъ пріобрѣсти художественной работы букетикъ искусственныхъ цвѣтовъ, перевязанный черною траурною ленточкой съ надписью „deuil national“ (національный трауръ), и, написавъ свою фамилію и адрессъ на прикрѣпленной къ букетику трехцвѣтной карточкѣ, сдавалъ букетикъ въ означенный комитетъ, который и отправлялъ его вмѣстѣ съ другими въ Петербургъ для раздачи при погребеніи, на память о сочувствующихъ русскому горю Французахъ. Къ сожалѣнію, симпатичная идея родилась въ Парижѣ слишкомъ

поздно, такъ что оставалось лишь два дня на ея осуществленіе, но и въ эти два дня набрано было *десять тысячъ* букетиковъ, изъ которыхъ г. Дешапъ привезъ половину, а половина пришла позднѣе. Въ Петербургѣ раздача ихъ поручена была старшинѣ мѣстной французской колоніи, г. Кастильону и трудно описать что̀ дѣлалось на улицѣ, близъ помѣщенія Французскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ производилась эта раздача на другой день послѣ погребенія. Сплошная толпа заполонила всю улицу и употребляла всевозможныя ухищренія чтобы проникнуть за рѣшетку, охраняемую дворниками и городовыми. Въ особенности старались дамы, но,—увы!—пять тысячъ букетиковъ были розданы въ полчаса, а такъ какъ второй транспортъ еще не прибылъ, то большинству толпившихся на улицѣ пришлось вернуться домой съ пустыми руками. Завѣдующіе раздачей букетовъ записывали адреса и фамиліи получателей, дабы затѣмъ сообщить имена отправителямъ. Кромѣ того, многіе изъ получателей посылали во Францію свои визитныя карточки по адресамъ прикрѣпленнымъ къ букетикамъ.

Прежде чѣмъ покончить съ Французами прибывшими на эти дни въ Петербургѣ, нельзя не упомянуть объ одномъ изъ членовъ французской палаты депутатовъ, который прибылъ безъ опредѣленной цѣли, лишь для того чтобы заявить „Россіи свое сочувствіе“. Я встрѣтился съ нимъ на литературномъ обѣдѣ „съ иностранными корреспондентами“ у одного изъ милѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ петербургскихъ издателей.

Высокій, плотный, черноусый и черноволосый, во фракѣ съ трехцвѣтною депутатскою лентой черезъ плечо, этотъ представитель одного изъ южныхъ округовъ Франціи, избранный всеоб-

щимъ голосованіемъ, представлялъ собой совершеннѣйшее олицетвореніе типичнѣйшаго Гасконца, какими ихъ рисуютъ французскіе сборники анекдотовъ. Когда онъ заговорилъ, и съ апломбомъ, прибѣгая къ ораторскимъ пониженіямъ и повышеніямъ голоса, къ „классической жестикуляціи“, громогласно повѣдалъ намъ о томъ что онъ „счелъ своимъ долгомъ пріѣхать чтобы, какъ члену парламента, выразить свое сочувствіе горю Россіи“,—каюсь, я вспомнилъ безсмертнаго Тартарена. Удивительно живучій типъ создалъ Доде! Затѣмъ почтенный депутатъ повѣдалъ намъ какъ его отговаривали отъ поѣздки во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (я думаю!); какъ даже товарищи-депутаты старались повліять на его рѣшеніе, указывая на то что въ Россіи нѣтъ парламента (слава Богу!), къ которому онъ могъ бы обратиться съ рѣчью. но „тѣмъ не менѣе“, закончилъ краснорѣчивый ораторъ, „я рѣшилъ ѣхать и сказать свою рѣчь, я поѣхалъ и—me voilâ“.

Послѣднее было сказано съ большимъ чувствомъ, а такъ какъ дѣло было за обѣдомъ и спичъ былъ застольнымъ, то оратора привѣтствовалъ дружный взрывъ апплодисментовъ, что̀, однако, не помѣшало моему сосѣду, корреспонденту одной изъ серіозныхъ французскихъ газетъ, шепнуть мнѣ на ухо: „quel poseur“! съ чѣмъ я отъ души согласился.

Впрочемъ, новый Тартаренъ, явившійся въ Россію во всеоружіи своихъ депутатскихъ полномочій, особеннаго успѣха не имѣлъ и, несмотря на свое страстное желаніе, ни въ какихъ офиціальныхъ торжествахъ участія не принималъ. Однако, я не могу сказать чтобы, при всемъ своемъ стремленіи къ „позѣ“ и къ игранію роли, онъ не былъ

симпатиченъ. Таково ужъ обаяніе Французовъ что и Тартарены у нихъ завоевываютъ общія симпатіи.

Въ воскресенье, 6 ноября, наканунѣ погребенія, которымъ завершался скорбный рядъ предшествовавшихъ событій, прибывшіе въ Петербургъ представители иностранной и русской иногородной печати рѣшили, въ память своей совмѣстной работы, сняться вмѣстѣ въ фотографіи Пазетти. Группа вышла очень удачною; въ центрѣ ея возсѣдалъ нашъ „маршалъ“, Г. А. Сеславинъ, облеченный въ мундиръ, а по обѣимъ сторонамъ его и сзади, въ два ряда, расположились корреспонденты всевозможныхъ типовъ и возрастовъ, начиная отъ сѣдобородыхъ представителей нѣмецкихъ газетъ и до юнаго художника, представителя французской *Illustration*. Англичане, занимавшіе правое крыло, чисто выбритые, вылощенные, составляли совершенный контрастъ своимъ нѣмецкимъ коллегамъ, а двое русскихъ затерялись среди общей массы.

Каждымъ изъ насъ эта группа будетъ храниться какъ драгоцѣнное воспоминаніе. На оттискахъ ея напечатано по-французски: „Représentants de la presse aux obsèques de l'Empereur Alexandre III (представители печати на погребеніи Императора Александра III).

Вечеромъ, въ воскресенье, на обычномъ сборищѣ въ пріемной канцеляріи Министерства Двора, намъ роздали билеты для присутствованія на похоронахъ, и сборный пунктъ былъ назначенъ въ той же пріемной на другой день, въ 8 час. утра. По обычаю, нашъ маршалъ долженъ былъ нами предводительствовать.

VI.

Утро понедѣльника, 7 ноября, дня назначеннаго для погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Монарха, было такое же туманное и сырое, какъ и во всѣ предшествовавшіе дни. Нева катила свои мутныя волны. съ трудомъ одолѣвая упорный вѣтеръ съ моря, который наканунѣ чуть не вызвалъ наводненія. Противоположный берегъ скрывался во мглѣ, но, благодаря тому что всѣ мосты—даже Дворцовой — были наведены, сообщеніе съ этимъ берегомъ значительно облегчилось, и намъ, при нашей поѣздкѣ изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ, пришлось затратить втрое меньше времени чѣмъ въ прежніе переѣзды черезъ мосты Александровскій и Николаевскій. Въ девять часовъ мы были уже въ соборѣ, а такъ какъ, по церемоніалу, начало заупокойной обѣдни назначено было въ половинѣ одиннадцатаго, то намъ осталось достаточно времени чтобы въ подробностяхъ осмотрѣть соборъ и его убранство, въ которомъ вѣнки играли главную роль. Вѣнковъ еще прибавилось за два дня, со времени субботней панихиды, и они съ трудомъ находили себѣ мѣсто на стѣнахъ и колоннахъ собора, у катафалка и за рѣшетками, между могилъ. У гроба возвышался стягъ съ иконой Нерукотво-

реннаго Спаса, доставленный еще въ Москвѣ, Кружкомъ Русскихъ Художниковъ. На ступеняхъ катафалка стояло обычное дежурство, въ которомъ и на этотъ разъ принимали участіе члены иностранныхъ военныхъ депутацій.

Для корреспондентовъ, число которыхъ значительно увеличилось преимущественно представителями петербургскихъ газетъ, отведено было мѣсто у правой стѣны собора, за могилой Великаго Князя Николая Николаевича, и устроено было небольшое возвышеніе, такъ что мы стояли выше толпы молящихся, и намъ была прекрасно видна вся внутренность собора. Предъ нами стояли члены иностранныхъ депутацій не участвующіе въ дежурствѣ; правѣе, у катафалка, было приготовлено мѣсто для Царственной Семьи, а за этимъ мѣстомъ, ближе къ могиламъ Петра и Екатерины Великихъ, собирались члены Государственнаго Совѣта, дипломатическій корпусъ и чрезвычайныя посольства прибывшія на погребеніе.

Новая могила устроена въ лѣвой сторонѣ собора, рядомъ съ могилами Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны. Склепъ, выложенный плитами, былъ прикрытъ досками на уровнѣ пола. Въ склепѣ, для пріема гроба, стоялъ мѣдный ящикъ, запирающійся двумя ключами, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ взять и хранить министръ Императорскаго Двора, а другой—комендантъ Петропавловской крѣпости. Вся могила внутри была убрана живыми цвѣтами, а снаружи около нея и на доскахъ ее прикрывавшихъ лежало много живыхъ и искусственныхъ цвѣточныхъ вѣнковъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго въ соборъ прибылъ Государь Императоръ, вошедшій объ руку съ Вдовствующею Государыней Императрицей. За

ними слѣдовала Высоконарѣченная Невѣста, нынѣ Государыня Императрица Александра Θеодоровна, Высочайшія и Августѣйшія иностранныя Особы, Великіе Князья и Великія Княгини Россійскаго Императорскаго Дома.

По прибытіи Государя, Его Величество былъ встрѣченъ митрополитомъ Палладіемъ со крестомъ и св. водой, и тотчасъ же началась литургія.

По окончаніи ея, предъ отпѣваніемъ, на катафалкъ у гроба вступило послѣднее дежурство, а совершать отпѣваніе вышло изъ алтаря многочисленное духовенство съ семью архипастырями во главѣ. При этомъ невольно приходится еще разъ вспомнить чудное пѣніе хора придворныхъ пѣвчихъ, столь часто слышанное за это время. Впечатлѣніе оставленное этимъ пѣніемъ столь сильно что едвали когда-либо изгладится изъ памяти. Это было не театральное пѣніе нашихъ оперныхъ хоровъ, которое, при участіи этихъ хоровъ въ церковныхъ службахъ, нѣсколько напоминаетъ богослуженіе католическое,—нѣтъ, это было истинно духовное, православное пѣніе, но высоко-художественное, проникнутое искреннимъ чувствомъ и глубоко западающее въ душу. При отпѣваніи, придворный хоръ; если только это возможно, превзошелъ самого себя.

По окончаніи отпѣванія, началось въ высшей степени трогательное прощаніе членовъ Царственной Семьи съ дорогимъ прахомъ своего многолюбимаго Главы. Первою долго прощалась Вдовствующая Государыня Императрица, поддерживаемая Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, и это прощаніе неизгладимо запечатлѣлось въ памяти у тѣхъ кто удостоился быть ему свидѣтелемъ. Вслѣдъ за Царицей-Матерью простился Государь

Императоръ, простились Великія Княгини и Великіе Князья, иностранныя Высочайшія и Августѣйшія Особы, и Царственная Вдовица снова приблизилась чтобъ отдать послѣднее цѣлованіе. Затѣмъ былъ снятъ покровъ и отнесенъ въ алтарь. Государь Императоръ уложилъ во гробъ порфиру, прочтена была разрѣшительная молитва, на главу усопшаго надѣтъ вѣнчикъ и тѣло предано землѣ, а генералы принесли и возложили на гробъ крышу, которая на вѣки сокрыла обожаемыя черты.

Крышу стали завинчивать... Это была ужасная, раздирающая душу минута. Всѣхъ, помимо воли, мгновенно осѣнила одна и та же мысль: „настaлъ конецъ, мы больше Его ужъ не увидимъ"... Рыданія огласили соборъ, много сѣдобородыхъ головъ склонилось въ безмолвномъ горѣ, на многихъ непривычныхъ къ слезамъ глазахъ навернулись крупныя слезы, много преклонилось колѣнъ, и многіе молящіеся, облеченные въ военные и гражданскіе мундиры высшихъ чиновъ и степеней, закрыли руками лица чтобы не дѣлать сосѣдей свидѣтелями своей скорби...

Трогательная и торжественная минута — показавшая какъ дорогъ Онъ Своему народу, какъ сильно и горячо любила Его Россія!

Миновала эта тяжкая, скорбная минута, объединившая всѣхъ предстоявшихъ въ одномъ чувствѣ, и, вслѣдъ за Государемъ Императоромъ, ставшимъ у изголовья, гробъ подняли Высочайшія и Августѣйшія Особы и понесли къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, гдѣ его приняли и опустили въ могилу дворцовые гренадеры. Отслужена была послѣдняя литія и, при тихомъ пѣніи вѣчной памяти, громѣ крѣпостныхъ орудій и ружейныхъ залпахъ войскъ, разставленныхъ на крѣпостныхъ

стѣнахъ, на гробъ посыпалась земля, спачала изъ Августѣйшихъ рукъ, а затѣмъ изъ рукъ всѣхъ предстоявшихъ...

Государь Императоръ со всѣми Высочайшими и Августѣйшими Особами отбылъ изъ собора, и могилу стали задѣлывать. Почетный караулъ у собора, отъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи, встрѣтилъ Государя звуками народнаго гимна, а когда Его Величество сѣлъ въ экипажъ и отбылъ изъ крѣпости, могучее *ура!* войскъ и народа, потрясло воздухъ. Россія встрѣчала своего юнаго Царя.

Въ это время, въ соборѣ, у задѣлываемой могилы стояло еще послѣднее дежурство и находились министръ Императорскаго Двора и комендантъ крѣпости. Когда же работа по задѣлкѣ была окончена и ключи отъ могилы вручены по принадлежности, надъ могилой былъ поставленъ временный глазетовый саркофагъ, служившій подставкой для крыши гроба, и была отслужена панихида.

Расходясь изъ собора, всѣ предстоявшіе спѣшили унести на память цвѣты и листья съ могилы и отъ вѣнковъ, которые значительно пострадали отъ этого всеобщаго стремленія—особенно вѣнки изъ живыхъ и искусственныхъ цвѣтовъ, причемъ одинаково брали какъ матерчатые, такъ и фарфоровые и металлическіе цвѣты. Вскорѣ вся площадка передъ соборомъ была заполнена сановниками и дамами ожидавшими своихъ каретъ, и у рѣдкаго не было въ рукахъ наскоро связаннаго букета изъ цвѣтовъ съ могилы многолюбимаго Монарха.

Когда мы, представители печати, въ свою очередь вышли изъ собора, послѣ почти четырехчасоваго пребыванія въ немъ, день стоялъ такой

же сѣрый, тотъ же туманъ окутывалъ городъ, и какъ тѣни мелькали на крѣпостныхъ веркахъ, въ туманѣ и въ пороховомъ дыму отъ похоронныхъ салютовъ, сѣрыя фигуры солдатъ, сходившихъ внизъ и ведомыхъ своими офицерами въ казармы.

Въ то же время отъ собора отбывала торжественная процессія съ регаліями; въ раззолоченныхъ каретахъ, подъ охраной Кавалергардовъ, ихъ везли первые чины Двора въ Зимній Дворецъ, откуда, изъ Георгіевской залы, часть регалій должна была отправиться въ Москву, а часть подлежала перенесенію въ Бриллiантовую комнату.

Не скоро съ моимъ всегдашнимъ спутникомъ редакторомъ *Южнаго Края*, нашли мы свою карету; когда же это наконецъ намъ удалось, и мы, черезъ Троицкій мостъ, поѣхали въ городъ, то были поражены тою сплошною толпой народа, которая продолжала еще стоять на улицахъ по пути проѣзда. Набережныя Невы были залиты народомъ, который тѣснился на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ и, главное, на Невскомъ проспектѣ, живою стѣной обрамляя его по обѣимъ сторонамъ. Экипажамъ не легко было двигаться,—а это были только остатки той огромной толпы которая съ утра ждала проѣзда Государя Императора, встрѣтила и проводила своего Царя громовыми кликами и теперь уже начала расходиться по домамъ.

VII.

На другой день послѣ погребенія, то-есть во вторникъ, 8 ноября, траурное убранство Петербурга было снято и городъ принялъ свой обычный видъ. Только внутренность Петропавловскаго собора осталась попрежнему убранною вѣнками и задрапированною траурными матеріями. Катафалкъ сняли въ ночь послѣ погребенія но глазетовая сѣнь оставалась нетронутою до сороковаго дня. Могилу съ ея глазетовымъ саркофагомъ окружили тропическими растеніями и вѣнками, на ней горитъ неугасимая лампада и возложена икона.

Восьмаго же ноября, во вторникъ—въ двадцатый день со дня кончины въ Бозѣ почившаго Монарха, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ Высочайшемъ присутствіи отслужена была заупокойная обѣдня и панихида у могилы. Кромѣ того, въ тотъ же день и въ послѣдствіи, ежедневно, у могилы служились десятки панихидъ по желанію депутацій, возлагавшихъ вѣнки, и частныхъ лицъ. Народъ толпами стекался въ соборъ, который съ утра и до вечера былъ наполненъ молящимися. Доступъ туда былъ свободенъ и не сопровождался никакими формальностями.

Одновременно, именно 8 ноября, Петербургъ узналъ грустную вѣсть о кончинѣ величайшаго

изъ остававшихся въ живыхъ представителя русской музыки—А. Г. Рубинштейна. Эта слишкомъ ранняя и совершенно неожиданная смерть, послѣдовавшая въ ночь съ 7 на 8 ноября, поразила весь музыкальный міръ Петербурга, а за нимъ и Россіи. Многіе въ первый же день отправились въ Петергофъ, гдѣ жилъ и умеръ Антонъ Григорьевичъ, чтобы присутствовать на первыхъ панихидахъ и узнать подробности, которыя на другой день уже были воспроизведены во всѣхъ газетахъ.

Между тѣмъ столичная жизнь шла своимъ чередомъ и въ городѣ распространились слухи о предстоявшемъ въ скоромъ времени радостномъ событіи — бракосочетаніи Государя Императора съ Высоконареченною Невѣстой. Первымъ заговорилъ объ этомъ *Правительственный Вѣстникъ*, помѣстившій 8 ноября статью, въ концѣ которой указывалось на близость свѣтлаго дня. Это дало подтвержденіе городскимъ слухамъ, и оставался нерѣшеннымъ только вопросъ о днѣ. Одни говорили что радостное, ожидаемое всею Россіей, событіе состоится 11 ноября, а другіе назначали для этого понедѣльникъ, 14 ноября. Послѣдніе, какъ оказалось и какъ намъ, корреспондентамъ, было ранѣе извѣстно—были правы, о чемъ, однако, офиціально объявили лишь въ оповѣщеніяхъ, разосланныхъ отъ Высочайшаго Двора въ пятницу, 11 ноября. Петербургъ сталъ готовиться къ торжеству, хотя, какъ всѣмъ было извѣстно, въ виду всероссійскаго траура, ни украшеній города, ни иллюминаціи не предполагалось.

Въ ожиданіи бракосочетанія Высокой Четы, изъ Петербурга не разъѣзжались ранѣе прибывшія депутаціи, которымъ предстояло великое счастіе быть представленными Государю Императору.

День для этого представленія назначенъ былъ въ субботу, 12 ноября, и къ тремъ часамъ пополудни, этого дня, всѣ депутаты, числомъ 462 отъ 96 депутацій, были собраны въ громадномъ Николаевскомъ залѣ. Въ виду раннихъ сумерокъ и скуднаго петербургскаго дневнаго освѣщенія, зала была освѣщена электричествомъ и залитыя мягкимъ свѣтомъ сотенъ эдиссоновскихъ лампочекъ ярко выдѣлялись бѣлыя колонны залы и ясно были видны картины сценъ изъ Восточной войны, украшающія примыкающую въ залѣ боковую галлерею, отдѣленную вышеупомянутыми колоннами. Въ эту галлерею помѣстили насъ—представителей печати, а Высочайшій выходъ долженъ былъ состояться изъ Малахитовой гостиной, черезъ концертный залъ.

Въ ожиданіи выхода, депутаціи размѣстились въ два ряда по обѣимъ сторонамъ зала. Справа (а не слѣва, какъ ошибочно сообщилъ телеграфъ) размѣстились многочисленные представители дворянства, а слѣва представители остальныхъ сословій, земствъ, городовъ. Большинство наличныхъ представителей было отъ дворянства, но и многіе города прислали свои депутаціи: были депутаты отъ купечества и мѣщанства изъ различныхъ мѣстъ, депутаціи отъ крестьянъ Симбирской, Петербургской и Воронежской губерній, депутаціи отъ горныхъ заводовъ, отъ караимовъ и такъ далѣе. Первыми у входныхъ дверей стояли депутаціи Петербургскія, а за ними—справа стояла депутація отъ Московскаго дворянства, а слѣва—отъ города Москвы.

Сначала, пока депутаты становились на мѣста по указанію церемоніймейстеровъ, въ различныхъ группахъ велись оживленные разговоры, но все замерло, когда пронесся говоръ что Государь

прибылъ во дворецъ; всѣ застыли въ выжидательныхъ позахъ.

Вскорѣ, стукнувъ жезломъ о полъ, оберъ-церемоніймейстеръ потребовалъ вниманія и провозгласилъ: „Государь Императоръ!"

Двери распахнулись, и въ залъ вступилъ Державный Вождь Россіи, въ сопровожденіи министра Внутреннихъ Дѣлъ. Его Величество тотчасъ же сталъ обходить депутаціи, начавъ справа, причемъ министръ представлялъ ихъ Государю, называя мѣстности, откуда прибыли депутаты. Съ иными изъ представителей, съ предводителями дворянства, со многими городскими головами и другими лицами, Его Величество милостиво бесѣдовалъ, останавливаясь на нѣкоторое время у иныхъ группъ. Пріемъ продолжался около 25 минутъ и затѣмъ, простившись съ депутаціями общимъ поклономъ, на который отвѣтомъ было трижды повторенное, громовое *ура*, Государь Императоръ удалился изъ залы тѣми же дверями, въ которыя вошелъ.

Тотчасъ же всѣ депутаціи смѣшались, и представлявшіеся стали оживленно дѣлиться своими впечатлѣніями, а около лицъ удостоившихся Царской милостивой бесѣды собирались группы, горѣвшія желаніемъ узнать Царскія слова. Затѣмъ начался разъѣздъ, но многіе еще долго оставались въ залѣ, а особенно въ галлереѣ, любуясь картинами, изъ которыхъ многія заключаютъ въ себѣ портреты Высочайшихъ Особъ и героевъ Восточной войны. Особенно обращала на себя вниманіе одна изъ картинъ изображающая сцену представленія раненаго Османа-паши Императору Александру II.

Между тѣмъ, насъ, представителей печати, повели осматривать соборъ во Дворцѣ, гдѣ черезъ

день должно было совершаться бракосочетаніе. Но такъ какъ было уже темно, а соборъ не былъ освѣщенъ, то рѣшили повторить осмотръ на другой день, то-есть, въ воскресенье, когда мы всѣ собрались во Дворцѣ къ 10 часамъ утра.

Прежде всего нашъ „маршалъ“ повелъ насъ по заламъ, по которымъ должно было слѣдовать торжественное шествіе, и мы начали съ осмотра Малахитовой гостиной, въ которой должны были собираться Августѣйшія Особы. Она носитъ это имя потому что всѣ украшенія комнаты, каминъ и столы сдѣланы изъ малахита. Затѣмъ мы прошли въ Концертный залъ со старинною мягкою мебелью, у которой бѣлыя спинки выгнуты въ видѣ лиръ; изъ Николаевскаго зала, въ которомъ былъ пріемъ депутацій, путь велъ черезъ небольшой Аванъ-залъ у Іорданскаго подъѣзда, въ Фельдмаршальскій залъ, украшенный портретами нашихъ фельдмаршаловъ, извѣстныхъ по своимъ военнымъ заслугамъ, и картинами знаменитаго художника Ораса Вернс изъ войнъ начала текущаго столѣтія. За Фельдмаршальскимъ заломъ слѣдуетъ сравнительно небольшой Петровскій залъ съ трономъ на возвышеніи и столами, подзеркальниками и украшеніями изъ литаго серебра. Изъ Петровскаго мы прошли въ чудный по красотѣ Гербовый залъ съ золотыми колоннами и стѣнами сплошь убранными арматурами изъ блюдъ поднесенныхъ въ разное время нашимъ Государямъ. Въ этомъ залѣ обращаютъ на себя вниманіе бѣлыя группы воиновъ у входа, поддерживающихъ гербы различныхъ областей Россійской Имперіи.

За Гербовымъ заломъ, небольшая Пикетная комната, называемая такъ потому что здѣсь въ прежнее время всегда стояли военные „пикеты“,

примыкаетъ къ преддверью дворцоваго собора, не выдающагося по размѣрамъ, но очень изящнаго по внутренней отдѣлкѣ. Бѣлыя съ золотомъ стѣны, такой же иконостасъ со св. иконами чудной работы, малиновыя занавѣси на громадныхъ окнахъ,—все вмѣстѣ составляетъ очень красивую картину и производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Запрестольный образъ Воскресенія Христова приписываютъ кисти великаго Рафаэля, но это требуетъ еще подтвержденія, такъ какъ многіе знатоки не узнаютъ его манеры въ изображеніи ангеловъ.

Этимъ путемъ должно было идти шествіе въ соборъ и вернуться оттуда въ Малахитовую гостиную, намъ же намѣчены были мѣста въ Фельдмаршальскомъ залѣ, гдѣ должны были собраться представители городовъ, россійское и иностранное именитое купечество. Но тамъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, присутствовали и представители отъ крестьянъ и нѣкоторыя изъ депутацій представлявшихся къ субботу.

Осмотрѣвъ дворецъ, мы разошлись до вечера, такъ какъ въ этотъ день мы должны были чествовать обѣдомъ нашего „маршала“, симпатичнаго Г. А. Феславина. За этимъ обѣдомъ единодушно была возглашена здравица за министра Двора, графа Воронцова - Дашкова, значительно облегчившаго представителямъ печати ихъ задачу, и отъ имени иностранныхъ и русскихъ корреспондентовъ была послана графу привѣтственная телеграмма.

На другой день, въ понедѣльникъ, 14 ноября, назначено было собираться на нашемъ сборномъ пунктѣ, въ канцеляріи Министерства Двора, къ 8 часамъ утра.

VIII.

Повидимому и погода собиралась праздновать радостный день бракосочетанія Государя Императора; по крайней мѣрѣ, еще накапунѣ небо прояснилось, мгла куда-то исчезла, и съ утра день былъ въ буквальномъ смыслѣ свѣтлымъ и яснымъ. Правда, облака все еще застилали солнце, но было сухо и тепло.

Изъ пріемной Канцеляріи Министерства Двора, гдѣ мы собрались къ половинѣ девятаго (корреспонденты вѣчно опаздывали на сборный пунктъ), насъ внутренними корридорами провели въ Фельдмаршальскій залъ и поставили на указанное мѣсто у дверей соединяющихъ этотъ залъ съ Петровскимъ, подъ картиной Ораса Верне изображающей взятіе какого-то бастіона русскими войсками въ тридцатыхъ годахъ. Впрочемъ, въ виду того что до Высочайшаго выхода оставалось еще около двухъ съ половиной часовъ, намъ разрѣшено было пройтись по заламъ и полюбоваться оживленною картиной которую они представляли.

Начиная съ Николаевскаго зала, переполненнаго представителями всѣхъ родовъ оружія русскаго войска, и до Георгіевскаго, гдѣ у ступеней трона собирались члены дипломатическаго корса, вся эта часть дворца уже была наполнена блестящею толпой сановниковъ и военныхъ въ самыхъ разно-

образныхъ мундирахъ и группами придворныхъ и городскихъ дамъ въ роскошныхъ русскихъ платьяхъ изъ серебристыхъ тканей съ длинными шлейфами. Между туалетами городскихъ и придворныхъ дамъ было различіе только въ томъ что у первыхъ отсутствовали тѣ специально придворные бархатные шлейфы (малиновые у фрейлинъ и разноцвѣтные у статсъ-дамъ), которые, пристегиваясь у спинки платья, ниспадаютъ богатыми складками, въ видѣ мантій, и на далекое пространство тянутся по полу за своею счастливою обладательницей. Этихъ шлейфовъ не было у городскихъ дамъ, не имѣющихъ права пристегивать ихъ къ своимъ платьямъ и довольствующихся обычными шлейфами хотя и значительно усиленныхъ размѣровъ.

Казалось, залы уже были сплошь переполнены приглашенными на выходъ, но со всѣхъ подъѣздовъ все продолжали прибывать запоздавшіе и перебѣгали изъ залы въ залъ, отыскивая назначенныя мѣста. Это придавало еще большее оживленіе блестящему собранію, которое кипѣло жизнью. По отдѣльнымъ группамъ вполголоса велись бесѣды, сливавшіяся въ общій гулъ, отъ котораго залы гудѣли словно пчелиныя улья.

Однако, къ 11 часамъ всѣ уже находились на своихъ мѣстахъ, и началась церемоніймейстерская работа выравниванія и выстраиванія собравшейся толпы.

Особенно много хлопотъ доставлялъ церемоніймейстерамъ нашъ Фельдмаршальскій залъ, гдѣ собрались представители городовъ, купеческаго сословія, крестьянскія и нѣкоторыя иныя депутаціи (между прочимъ, караимская), изъ представлявшихся въ субботу, 12 ноября. Населеніе Фельдмаршальскаго зала оказалось не совсѣмъ привыч-

нымъ къ равненію и не вполнѣ освоившимся съ этикетомъ, отчего задніе ряды то и дѣло напирали на переднихъ и только-что выравненный ранжиръ постоянно растраивался.

Все это продолжалось лишь до поданнаго оберъ-церемоніймейстеромъ знака о началѣ шествія: тогда всѣ сразу замерли въ ожиданіи,—и внезапно настала такая тишина что можно было бы разслышать полетъ мухи.

Впрочемъ, и до начала шествія былъ моментъ когда въ нашемъ залѣ все замерло и замолкло; тогда оберъ-церемоніймейстеръ проносилъ на золотомъ блюдѣ кольца въ соборъ, гдѣ и возложилъ ихъ на Св. Престолѣ; предшествовали камеръ-фурьеръ и скороходъ въ расшитой золотомъ ливреѣ и въ оригинальной шапкѣ съ разноцвѣтными перьями. Это произошло въ половинѣ двѣнадцатаго, а равно черезъ часъ начался Высочайшій выходъ.

Впереди, за придворными лакеями, гофъ и камеръ-фурьерами, безконечною вереницей шли камеръ-юнкеры и камергеры, за ними гофмаршалы, церемоніймейстеры и оберъ - церемоніймейстеры предшествовали Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, слѣдовавшей объ руку со Своимъ Августѣйшимъ Родителемъ, Королемъ Христіаномъ Датскимъ. Снявши для этого свѣтлаго дня Свой печальный трауръ, Вдовствующая Государыня была одѣта въ бѣлое платье, и на головѣ у Ея Величестка красовался унизанный жемчугомъ кокошникъ. Государыня шла, привѣтливо отвѣчая наклоненіемъ головы на глубокіе поклоны предстоявшихъ, спѣшившихъ уловить безконечно-ласковый взоръ Ея очей.

За Августѣйшей Родительницей слѣдовалъ Государь Императоръ въ изящномъ полковничьемъ

лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, рядомъ съ Высоконареченною Невѣстой, одѣтою въ русское платье изъ серебрянняго глазета, богато украшенное брилліантами и расшитое роскошными узорами изъ цвѣтовъ и бантовъ. На шлейфъ ниспадала тяжелая парчевая, подбитая горностаемъ, мантія, которую несли высшіе чины Двора. На головѣ красовалась небольшая золотая корона, а мѣсто кокошника занимала брилліантовая діадема изъ-подъ которой ниспадала драгоцѣнная фата, убранная живыми цвѣтами флеръ д'оранжа, доставленными изъ Варшавскихъ Императорскихъ оранжерей. Флеръ д'оранжъ занималъ главное мѣсто и въ букетѣ Высоконареченной Невѣсты, въ которомъ красовалось также нѣсколько вѣточекъ мирты, доставленныхъ изъ Виндзора, по приказанію Августѣйшей Бабки, королевы Викторіи.

За Высоконареченными Женихомъ и Невѣстой слѣдовали Русскія и иностранныя Августѣйшія Особы, попарно, въ порядкѣ нѣсколько измѣненномъ противъ церемоніала. Многія изъ Иностранныхъ Особъ бывшихъ на погребеніи уже разъѣхались, такъ какъ бракосочетаніе происходило въ тѣсномъ семейномъ кругу, безъ пышности, обычной при столь великомъ торжествѣ. Въ числѣ прочихъ уѣхали эрцгерцогъ Австрійскій Карлъ-Лудвигъ, принцы Неаполитанскій и Шведскій, князь Черногорскій и король Сербскій. Разъѣхались также многія чрезвычайныя посольства и военныя депутаціи, но чрезвычайный французскій посолъ генералъ Буадефръ присутствовалъ на бракосочетаніи. Присутствовалъ и членъ этого посольства, адмиралъ Жерве, который вернулся съ пути, по полученіи извѣщенія о приглашеніи на радостное торжество.

Когда шествіе, заканчивавшееся придворными

дамами, фрейлинами, сенаторами, Государственными совѣтниками и высшими придворными чинами, прослѣдовало въ церковь, толпа военныхъ и гражданскихъ сановниковъ и дамъ, наполнявшая залы, покинула свои мѣста и частью двинулась въ церковь, вслѣдъ за шествіемъ, частью разбилась на группы, и снова завязались оживленныя бесѣды, придававшія собранію характеръ блестящаго свѣтскаго раута.

Намъ, корреспондентамъ, удалось проникнуть въ преддверіе храма, переполненнаго молящимися, какъ разъ во время совершенія таинства вѣнчанія. Надъ толпой возвышались Брачующіеся, стоявшіе на помостѣ, надъ главами Ихъ Августѣйшіе шафера держали вѣнцы, и церковь, залитая огнями, наполнялась дивными звуками радостнаго пѣнія придворнаго хора.

Во время раута въ залахъ Дворца, нашъ залъ— Фельдмаршальскій, былъ значительно менѣе оживленъ чѣмъ всѣ прочіе. Фраки и длиннополые сюртуки городскихъ и сельскихъ представителей жались другъ къ другу, и обладатели ихъ не рѣшались покинуть свои мѣста. Иныя изъ лицъ наполнявшихъ эту залу, съ осторожностью и какъ бы съ боязнью, садились на кресла и скамьи у стѣнъ, но, отдохнувъ, тотчасъ же вскакивали чтобы снова стать на свои посты.

Недалеко отъ меня стояла депутація старшинъ изъ Симбирской губерніи; одинъ изъ нихъ, высокій старикъ, родомъ Костромичъ и, какъ оказалось въ послѣдствіи, потомокъ Сусанина, все время разспрашивалъ окружающихъ и съ видимымъ интересомъ вглядывался въ лица проходившихъ министровъ и иныхъ высокопоставленныхъ лицъ, которыхъ ему показывали. „Когда назадъ пойдутъ, покажите мнѣ Царицу Марію Θеодоровну“. шеп-

нулъ онъ мнѣ,—„не пойму самъ, какъ это и не разглядѣлъ Ее, Нашу Матушку, когда шли въ церковь“. Въ послѣдствіи я исполнилъ его желаніе, за что онъ выразилъ самую горячую благодарность и широкими крестами осѣнилъ путь Высоконовобрачной Четы, шепотомъ посылая Имъ вслѣдъ благословленія.

У дверей Аванъ-залы стояла депутація отъ караимовъ, со своимъ главой—гахамомъ. Гахамъ, былъ облеченъ въ свѣтло-синій шелковый халатъ, и на головѣ у него была надѣта небольшая круглая шапочка въ родѣ татарской тюбетейки, отчего сначала его, по недоразумѣнію, приняли было за великаго оренбургскаго муфтія. Сѣдой, съ коротко остриженными волосами, съ грудью увѣшанною орденами, высокій и представительный старикъ вскорѣ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Его окружили и начали расспрашивать, когда церемоніймейстеры нарушили эту бесѣду, снова выравнявъ насъ въ два ряда.

Къ этому времени, рядомъ съ нами, въ Петровскій залъ перешли члены дипломатическаго корпуса для принесенія поздравленій, и только что они успѣли тамъ выстроиться, какъ началось обратное шествіе изъ церкви. При громѣ салюта съ крѣпостныхъ стѣнъ, теперь въ первой парѣ слѣдовали Высоконовобрачные, а за Ними уже шла Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна съ Королемъ Христіаномъ.

Головы почтительно и безмолвно сконялись предъ Государемъ и Новобрачною Государыней, а Ихъ Величества, привѣтливо улыбаясь, отвѣчали поклонами на поздравленія.

Вернувшись въ Малахитовую гостиную, гдѣ для Августѣйшихъ Особъ былъ сервированъ фамильный завтракъ, Государыня Императрица Ма-

рія Θеодоровна тотчасъ же отбыла въ Аничковъ дворецъ для встрѣчи Высоконовобрачной Четы, а Ихъ Величества Высоконовобрачные, въ парадной каретѣ, бѣлой съ золотомъ, отбыли сначала въ Казанскій соборъ, а оттуда тоже въ Аничковъ дворецъ.

IX.

День 14 ноября 1894 года останется памятнымъ Петербуржцамъ, такъ какъ въ этотъ день они наглядно проявили свое духовное и сердечное единство съ остальною Россіей. Взрывъ народнаго восторга былъ такъ великъ, порывъ былъ столь искрененъ что Петербургъ въ этомъ отношеніи сравнялся съ Москвой и несомнѣнно доказалъ что, несмотря на свое западничество, онъ остался и остается русскимъ городомъ.

Войска, обрамлявшія Дворцовую площадь и Невскій Проспектъ отъ Аничкова Дворца до Зимняго, на пути проѣзда Государя Императора, послѣ прибытія свадебнаго поѣзда въ Зимній Дворецъ, были, по Высочайшему повелѣнію, распущены по домамъ. Вслѣдствіе этого народъ, не стѣсняемый шпалерами солдатъ, занялъ сплошною, несмѣтною толпой всю Дворцовую площадь и весь Невскій, оставивъ лишь узкій проѣздъ для обратнаго движенія Царскихъ каретъ. Съ 9 часовъ утра скопилась эта толпа и все возрастала, но особенно великъ сталъ притокъ народа, когда, послѣ 11 часовъ, ушли войска. Чутко прислушивались ожидавшіе къ крѣпостнымъ салютамъ, опредѣляя по нимъ время обратнаго проѣзда. Раздался первый салютъ въ 51 выстрѣлъ, означавшій что

шествіе тронулось въ церковь. Затѣмъ медленно прошелъ часъ томительнаго ожиданія. Но вотъ надъ Зимнимъ Дворцомъ взвилась сигнальная ракета, и съ крѣпостныхъ верковъ начался второй салютъ. Толпа всколыхнулась; она знала что еще не успѣетъ смолкнуть этотъ салютъ, а Высоконовобрачные уже отправятся изъ Зимняго Дворца въ Казанскій соборъ. Крѣпость должна была дать 301 выстрѣлъ, и народъ съ замираніемъ сердца считалъ эти выстрѣлы, разчитывая мысленно сколько времени потребуется на обратное шествіе изъ церкви.

Дѣйствительно, выстрѣлы не успѣли смолкнуть, а на Дворцовой площади уже раздалось потрясающее, бурное *ура*! которымъ народъ встрѣчалъ Своего Царя съ Его Новобрачною Царицей. „Ѣдутъ, ѣдутъ!“ пронеслось изъ конца въ конецъ по Невскому; изъ-подъ арки Главнаго Штаба выѣхала давно ожидаемая бѣлая съ золотомъ, вся въ стеклахъ, карета, и въ ней народъ увидѣлъ Высоконовобрачныхъ. Восторгамъ не было предѣла, шапки полетѣли въ воздухъ, *ура!* не смолкало. Въ раскрытыхъ окнахъ, на балконахъ, на выступахъ фундаментовъ, на карнизахъ, на крышахъ, на тумбахъ, на фонаряхъ тѣснились сотни тысячъ людей съ радостными лицами, и привѣтственные клики вырывались изъ сотенъ тысячъ грудей.

За каретой, двигавшеюся очень медленно, слѣдовала вся толпа, окружая ее непроницаемою стѣной и представляя Своему Царю самую надежную, неодолимую охрану. Ихъ Величества привѣтливо и необычайно ласково кланялись на обѣ стороны, и каждый поклонъ Державнаго Вождя и Его блещущей красою Новобрачной Супруги вызывалъ новую бурю восторга, новый взрывъ привѣтныхъ кликовъ.

Могучею волной перекатывалось русское *ура* съ одного конца Невскаго до другаго и смолкло лишь на нѣсколько мгновеній, пока Высоконовобрачные находились въ Казанскомъ соборѣ.

Въ ту минуту когда, выйдя изъ экипажа, Ихъ Величества взошли на паперть собора и прикладывались ко Св. Кресту, вынесенному Имъ на встрѣчу митрополитомъ Палладіемъ,—солнце присоединилось къ общей радости Русскаго народа: лучи его пробили облака и свѣтлымъ сіяніемъ освѣтили Царственную Чету.

Новый взрывъ народнаго восторга встрѣтилъ Высоконовобрачныхъ, когда Они вышли изъ собора, и новые клики сопровождали Ихъ Величества до Аничкова Дворца, гдѣ Ихъ встрѣтила Августѣйшая Родительница.

Народная толпа заняла всю улицу передъ Дворцомъ, и проѣздъ экипажей былъ прекращенъ.

Отвѣчая на народные клики, Царственная Чета неоднократно появлялась у окна втораго этажа и милостиво кланялась народу, который толпился передъ дворцомъ вплоть до поздней ночи. Привѣтные клики неоднократно прерывались пѣніемъ народнаго гимна, и звуки *Боже, Царя храни* сливались со звуками *Славься.* Всѣ экипажи, направлявшіеся за Аничковъ мостъ и обратно, огибали Дворецъ по боковымъ улицамъ. Лишь въ первомъ часу ночи толпа начала расходиться, и проѣздъ былъ возстановленъ. Петербуржцы давно не запомнятъ такого дня, а на памяти молодаго поколѣнія таковаго и совсѣмъ не было.

Этимъ радостнымъ и свѣтлымъ днемъ заканчивалась наша корреспондентская миссія въ Петербургѣ: намъ предстояло вскорѣ разъѣхаться въ разныя стороны.

Оглядываясь на истекшее время, на эти двѣ недѣли, за которыя пережито было столько событій, чувствуешь себя нравственно обязаннымъ принести искреннюю и глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ отъ которыхъ зависѣло поставить прадставителей какъ иностранной, такъ и русской печати въ исключительно льготныя условія. Благодаря этимъ условіямъ вся Россія и весь міръ своевременно узнавали о томъ что̀ происходитъ въ Петербургѣ. Повидимому, ничего дурнаго изъ этого не вышло: предоставленными имъ правами корреспонденты пользовались очень умѣренно и осмотрительно. На всѣхъ торжествахъ они держались очень скромно, не выставляясь впередъ и стремясь лишь къ разрѣшенію своей задачи—по возможности все видѣть и все описать; никакихъ „прискорбныхъ инцидентовъ“ не выходило, и поведеніе корреспондентовъ ни разу не переступало границъ самаго строгаго приличія. Изъ этого, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ вывести благопріятныя данныя для будущаго. Своимъ серіознымъ и сдержаннымъ отношеніемъ къ дѣлу въ пережитыя въ Петербургѣ двѣ недѣли, съ 1 по 15 ноября, представители русской и иностранной печмти оправдали оказанное имъ довѣріе и заслужили право разчитывать и въ будущемъ на такое же любезное отношеніе къ печати какимъ она пользовалась въ эти знаменательные дни.

Просматривая написанное мной, я нашелъ много пропусковъ, много недомолвокъ, много неполноты; все это неизбѣжно въ воспоминаніяхъ написанныхъ наскоро и подъ свѣжимъ, еще не перебродившимъ и не улегшимся, впечатлѣніемъ. Наконецъ, нѣкоторая неполнота неизбѣжна уже потому что описывались событія которыя сдѣлаются до-

стояніемъ исторіи, и о которыхъ судить всесторонне будутъ въ правѣ только грядущія поколѣнія.

—

Страшно утомленный покидалъ я 16 ноября Петербургъ, одновременно съ моимъ неразлучнымъ спутнникомъ, редакторомъ *Южнаго Края*, и невольно радовался что изъ петербургской слякоти и непогоды я возвращаюсь въ родную, здоровую и по климату и по настроенію Москву; но когда, въ бесѣдѣ, мы съ моимъ спутникомъ стали припоминить все пережитое за это время, то несмотря на физическое и нравственное утомленіе, несмотря на весь трудъ, который намъ пришлось вынести и на затрату силъ которыя были вызваны этимъ трудомъ, мы сердечно порадовались тому что намъ пришлось быть ближайшими свидѣтелями минувшихъ незабвенныхъ событій. Дѣйствительно, тотъ, кто видѣлъ народное горе въ Москвѣ, кто видѣлъ залитую золотомъ мундирнаго шитья блестящую толпу молящуюся и плачущую въ Петропавловскомъ соборѣ, кто видѣлъ народную радость Петербурга въ день свадьбы Молодаго Царя, кто все это пережилъ и кто въ это вдумался,—тотъ во вѣки этого не забудетъ и, кромѣ того, тотъ смѣло можетъ сказать: „да, Россія живетъ одною жизнію со своими Монархами Ихъ горе—ея горе, Ихъ радости—ея радости.“

А въ этой нравственной и сердечной связи—вся сила Россіи, основа ея могущества и смыслъ ея существованія.

—

Курьерскій поѣздъ миновалъ Колпино. Мы вышли изъ области непосредственнаго вліянія моря, изъ области западнаго вѣтра, тумановъ и

бурь; по сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна показался снѣжокъ; въ воздухѣ повѣяло морозцемъ...

— Знаете что̀, сказалъ я своему спутнику,— вѣдь вся „гниль" петербургская навѣвается именно этимъ западнымъ вѣтромъ, а какъ подуетъ наша „сиверка", какъ хватитъ нашъ русскій морозъ, глядь—и воздухъ очистился, и напущеннаго тумана какъ не бывало, и „гнили" въ поминѣ нѣтъ...

2007050041